

PETROSYANTS Daniel Viktorovich, *Cand.Sci. (Econ.Sci.)*, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; dan-basa@yandex.ru)

QUALITY OF LIFE AND SOCIAL DETERMINANTS

Abstract. The article analyzes the problem of reverse dependence between the quality of life and the level of human capital in regions with different quality of life. The author sets the task to determine the ways and channels of increasing human capital, which the authorities can offer when using political and economic levers that contribute to the development and use of social elevators. The article gives research blocks for a comprehensive qualimetric assessment of the quality of life in the regions.

Keywords: social elevators, universities, entrepreneurship, labor market, psychosocial factors

БАРАШ Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; raisabarash@gmail.com)

ДИСКУССИИ О МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ. АКАДЕМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Часть 1

Аннотация. В рамках статьи автор обращается к исследованию проблематики мультикультурализма – одной из наиболее обсуждаемых в обществоведческом дискурсе и медийном пространстве. Если начало 1990-х гг. было ознаменовано волной мультикультуралистского энтузиазма, связанного с желанием выработать четкие модели и алгоритмы межкультурной коммуникации в многосоставных сообществах, то в 2010–2020-х гг. политические лидеры целого ряда государств по всему миру, прежде всего в Европе, поспешили заявить о фиаско мультикультурализма, который, по их словам, не только привел к складыванию «параллельных сообществ», но и был недостаточно чуток к культуре большинства, что вылилось в центробежные тенденции в обществе. За политическими заявлениями мультикультуралистских скептиков последовало реформатирование и академического дискурса, выразившегося как в заявлениях о наступившей постмультикультурной эпохе и повороте к интеркультурализму, так и в педантичной «работе над ошибками» по интерпретации базовых оснований политики мультикультурализма.

Ключевые слова: мультикультурализм, интеркультурализм, права меньшинств, интеграция, национальная политика

В начале 2010-х гг. в публичном дискурсе ряда европейских стран воодушевление в отношении мультикультурной политики сменилось скепсисом. Многие политические лидеры заговорили о фиаско мультикультурализма как заявленной стратегии управления многообразием, но на деле поощрявшей автономизацию принимаемых культур и складывание «параллельных сообществ»¹ и нечувствительной к запросу принимающего сообщества на сохранение собственной идентичности². Публичная критика концеп-

¹ Multiculturalism doesn't work in France, says Sarkozy. – *RFI*. 11 February 2011. Доступ: <http://www.english.rfi.fr/france/20110211-sarkozy-tf1> (проверено 12.11.2022).

² David Cameron tells Muslim Britain: stop tolerating extremists. – *The Guardian*. 5 February 2011. URL: <http://www.guardian.co.uk/politics/2011/feb/05/david-cameron-muslim-extremism> (accessed 12.11.2022).

ции сопровождалась «правым поворотом» в ряде национальных европейских парламентов: правые партии усилили представительство в законодательных органах Австрии, Германии, Польши, Венгрии, Греции, Франции. Лиза Стил пишет, что противодействие миграции и мультикультурализму демонстрировали сторонники не только правых политических идей, но и левых, воспринимаемая перспективы интеграции «культурных Других» как угрозу социальному государству [Steele 2016].

Публикуя в 1997 г. книгу «Мы все мультикультуралисты», Н. Глейзер писал, что мультикультурализм, несмотря на ряд препятствий для его воплощения, является «наставшей реальностью» и для сторонников политики, и для ее противников. Мультикультурализм задумывался как альтернатива неэффективным стратегиям «плавильного котла» и ассимиляции, как интегративная идеология, с помощью которой многосоставные поликультурные общества способны воплотить стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправия и равнозначности различных культур. Но, несмотря на предпринятые масштабные усилия построения гармоничного многосоставного общества, через почти два десятилетия своей реализации мультикультурализм был обвинен в потворствовании центробежным тенденциям. Хотя провал мультикультурализма интерпретировался скорее как фиаско в реализации административных мер, очевидно, что в самой категории мультикультурализма и в связанной с ней эпистемологии изначально было заложено немало противоречий.

Рассуждая о причинах фиаско мультикультурализма в Европе, Кристофер Колдуэлл пишет, что мультикультурализм отступил от «сущности Европы», «потребовав принесения в жертву свобод, которые мигранты стали считать правами» [Caldwell 2009: 11]. «Приписывание» индивидов к конкретной культуре, групповую логику политического и гражданского участия многие исследователи считали причиной межобщинной конкуренции за ресурсы и, следовательно, предпосылкой не только социальной напряженности, но и формирования «плюралистического монокультурализма» [Sen 2006] как множества параллельно сосуществующих культур, представители которых особенно не взаимодействуют друг с другом.

Многогранная нормативная критика мультикультурализма привела к попыткам не только дать исчерпывающее философское и политическое определение самой ключевой категории, но и определиться с актуальным содержанием категорий «раса», «национальность», «государство», «пол» и т.д. А. Лентин и Г. Титли справедливо замечают, что отказ от мультикультурализма в пользу любых других форм интеграционных проектов неизбежно знаменует собой перекалибровку всей мультикультуралистской онтологии [Lentin, Titley 2012].

Стремясь к корректному определению категории «мультикультурализм» исследователи подчеркивали необходимость отказаться от упрощенного понимания мультикультурализма как «набора 3S» [Alibhai-Brown 2004]: «стальных барабанов¹, сари и самоса² и достичь консенсуса в понимании того, что мультикультурная политика является отнюдь не праздником этнокультурного разнообразия обычаев, традиций, музыки и кухни, но стратегией национальной политики, сочетающей элементы ассимиляции и либеральной интеграции

¹ *Steelbands* – стальные барабаны, используются в афро-карибской уличной музыке.

² Modood T. 2010. Multiculturalism is not dead in the UK. The success of Muslim groups proves that multiculturalism is thriving, says Tariq Modood. – *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/society/joe-public/2010/oct/06/multiculturalism-thriving-uk-muslim-groups> (accessed 12.11.2022).

без политического признания групп с политикой антидискриминации¹ или «политики равного достоинства» [Taylor 1992].

Осуждение мультикультурализма как причины социальной фрагментации и межнациональных конфликтов отражает и эпистемологическую неопределенность категории, и внутреннюю противоречивость реализованной стратегии. Непроясненность содержания мультикультурализма не только провоцирует дискусионность, спорность интерпретации содержания категории, но и делает неочевидными необходимые меры по управлению многосоставными сообществами. Категория мультикультурализма, по словам В.С. Малахова, не была однозначной еще в пору своего возникновения, а за время своего активного применения и публичного обсуждения обросла самыми противоречивыми значениями, вплоть до взаимоисключающих [Малахов 2002].

Кенан Малик обращает внимание, что дискуссию о справедливо устроенном культурном многообразии заметно усложняет сам многообразный смысл категории «мультикультурализм»: описание самой сути общественной многосоставности перемежается с предписаниями и рекомендациями конкретных мер в отношении многокультурных обществ [Кенан 2015]. Или, как формулирует эту двойственность В.С. Малахов, мультикультурализм обозначает не только факт культурного многообразия, но и способ взаимодействия с этим многообразием [Малахов 2012]. Не удивительно, что категория «мультикультурализм», описывающая одновременно как социальную проблему, так и предполагаемый способ ее решения, в немалой степени запутывает исследователей. Мишель Вивьерка пишет, что мультикультурализм описывает и специфическую особенность современных сообществ, и проблему складывания и воспроизводства культурных различий, а также напряженности, которые порождают эти процессы, в т.ч. и сами предложения о политических и институциональных процедурах для их решения [Wiewiórka 1998].

Пытаясь найти корректное аналитическое определение для столь сложного и эмпирически многообразного феномена, как мультикультурализм, Сейла Бенхабиб определяет его как парадигму управления многообразной реальностью, где социальные группы и культуры сосуществуют как элементы мозаики, сохраняя при этом собственные жесткие границы [Бенхабиб 2003: 238]. Но попытка социальных групп отстоять свое культурное своеобразие, подстроившись под жесткие административные границы политической нации, может превратиться в зону наибольшей политической турбулентности, дестабилизирующей не только внутреннюю коммуникацию представителей культурно своеобразных сообществ, но и базовые основания политической нации, пытающейся примирить культурно различающиеся группы и сообщества. Так, Ч. Кукатас указывает, что проблема культурного сосуществования, актуальная для всех современных сообществ, и ее значимость будут только нарастать: не только глобализация, но и цифровизация порождает культурное усложнение обществ. Каждый новый культурный элемент сообществ вносит в общую картину мультикультурного сосуществования новые оттенки, вопрос лишь в масштабах культурного влияния [Кукатас 2007]. Сосуществование в рамках одного сообщества представителей различных культурных традиций требует обеспечения четких и устраивающих всех правил общежития. Необходимо общее согласие членов сообщества как по вопросу приемлемых или обяза-

¹ Modood T. How Easy Is It to 'Be British'? Interview with Tariq Modood. — *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2015. URL: <http://senjournal.co.uk/2011/03/13/how-easy-is-it-to-be-british-interview-with-tariq-modood/> (accessed 16.11.2022).

тельных норм поведения в общественных местах, так и конкретных функций и полномочий государства по управлению культурной сложностью. Да и сами стратегии управления культурной сложностью могут быть весьма разнообразными: если, как пишет М. Тлостанова, либеральный мультикультурализм стремится к сохранению разнообразия культурных групп и созданию условий для их сосуществования, равенства прав и свобод, то консервативный мультикультурализм ограничивается номинальными усилиями по созданию условий для межкультурного диалога, предельно ограничивая возможность административной и политической самоорганизации различных культурных традиций [Тлостанова 2000: 358].

Рассуждая о многообразии смыслов аналитической категории «мультикультурализм», Бхикху Парех замечает, что, несмотря на почти 30-летний опыт реализации мультикультуралистской политики, теоретические исследования культурного многообразия ведутся едва ли в течение половины этого срока [Parekh 2006]. В отличие от исследования либерализма, изучение мультикультурализма как научной дисциплины не имеет конкретных основателей и канонических текстов, нет и единых представлений о ключевых составляющих культурного многообразия. Помимо широко известного либерального мультикультурализма, существуют его консервативная, марксистская и даже социалистическая версия; европейский мультикультурализм заметно отличается от американского, и оба – от индийской версии мультикультурализма. Как пишет Б. Парех, в отличие от США, многие европейские государства исторически считали себя национальными, поэтому понятны симпатии их граждан к национальному государству, и это заметно усложняет реализацию в Европе мультикультуралистской стратегии, тогда как в Северной Америке мультикультурализм является неотъемлемой составляющей не только государственной политики, но и повседневности.

Ирен Блумрад связывает многоликость мультикультурализма с самим фактом демографического многообразия общества, сложившегося вследствие культурного многообразия или интенсивной миграции [Bloemraad 2011]. Демографический мультикультурализм порождает запрос на специфический набор философских идей, обосновывающих политику управления этой неоднородностью, и на культурный плюрализм, которые затем могут быть конвертированы в конкретные стратегии управления культурным многообразием общества, в т.ч. и через активное вовлечение видных теоретиков мультикультурализма (так, Чарльз Тейлор был сопредседателем Консультационной комиссии правительства Квебека по практике размещения, связанной с культурными различиями, в 2007 г., а Бхикху Парех возглавлял Комиссию Раннимеда по будущему многоэтнической Британии с 1998 по 2000 г.).

Несмотря на заявленный кризис мультикультурализма, интерес к поиску адекватной модели национальной политики в усложняющемся обществе продолжился, политика толерантности к различиям сменилась попытками выработать новые основания национального единства и противодействовать культурной сегрегации общества [McGhee 2005]. В академическом дискурсе энтузиазм в отношении перспектив мультикультурализма также заметно снизился [Verkuuten 2007]. Многие исследователи поспешили провозгласить «отступление» мультикультурализма в либеральных государствах как на уровне теории, так и на уровне практической политики [Joppke 2004] или даже его окончательную неудачу из-за фактического превращения из стратегии защиты меньшинств в способ контроля ими большинства [Kundnami 2002]. Но, несмотря на концептуальную критику, мультикультуралистский дискурс сегодня все так

же предельно востребован и активно обсуждается и в публичной политике, и в академическом пространстве: в политической философии [Maclure 2003; Miller 2008], социологии [Modood 2005; Gentile 2012], психологии [Vertovec 2007; Sam, Berry 2010].

В актуальных научных дебатах продолжает активно обсуждаться тематика идентичности и самоопределения, культурных прав и границ, поиска стратегий управления сложными сообществами. Некоторые из этих дискуссий касаются более тщательного и скрупулезного аналитического определения мультикультурализма и его атрибутов. Другие ориентированы на поиск стратегий межнациональной коммуникации «после мультикультурализма», а их участники нередко заявляют о наступлении эры постмультикультурализма либо интеркультурализма.

Так, Уилл Кимлика, декларируя переход к постмультикультурной эре, подчеркивает несомненно весомый вклад политики мультикультурализма в утверждение после Второй мировой войны в качестве базового принципа общественного устройства верховенства прав человека и общественного консенсуса относительно необходимости равноправного политического участия и представительства, а также естественности этнокультурного разнообразия [Kymlicka 2007]. Мультикультурализм значительно способствовал и формированию новых форм гражданских и политических отношений, моделей демократического гражданства, направленных на преодоление недемократических иерархических отношений, этнокультурной иерархии и эксклюзии. Как пишет У. Кимлика, несмотря на ряд неудач, политика мультикультурализма по всему миру была довольно успешна и позволила решить три основные группы проблем: наделение правами и возможностями коренных народов (в частности, маори в Новой Зеландии, аборигенов в Канаде и Австралии, американских индейцев, саамов в Скандинавии, инуитов в Гренландии) [Banting, Kymlicka 2006]; предоставление автономии и части управленческих полномочий субгосударственным национально-культурным группам (баскам и каталонцам – в Испании, фламандцам и валлонам – в Бельгии, шотландцам и валлийцам – в Великобритании, Квебеку – в Канаде, немцам – в Южном Тироле, шведам – в Финляндии, etc.); наделение национальных меньшинств по всему миру гражданством стран проживания.

У. Кимлика последовательно рассуждает о том, что, несмотря на ряд неудач, мультикультурализм, по сути, продолжает реализовываться в отношении как меньшинств, так и большинства через реализацию внутривнутриполитического запроса граждан на новые практики гражданского и политического участия, активную межкультурную коммуникацию и формирование новых дискурсов общественного взаимодействия. И в этом смысле постмультикультурализм, «обнуляя» неудачи мультикультурализма, одновременно подтверждает важность и значимость мультикультуралистской повестки постоянного культурного усложнения и со-признания различий.

В свою очередь, Н. Меер и Т. Модуд считают альтернативой мультикультурализму интеркультурализм как стратегию межкультурной коммуникации, ориентированную не на «группизм» и параллельное сосуществование нескольких культур, но на регулярное взаимодействие отдельных граждан друг с другом [Meer, Modood 2012]. Н. Меер и Т. Модуд пишут, что скепсис в отношении мультикультурализма родился главным образом из очень конкретного недовольства принимающих европейских сообществ этнорелигиозным коммуитаризмом меньшинств [Meer, Modood 2009]. Как признает Т. Модуд, теории мультикультурализма, возможно, уделяли слишком мало внимания со-

зданию институтов, укрепляющих межкультурные взаимодействия граждан на микроуровне и имеющих самое прямое влияние на повседневное взаимодействие в городах, школах, клубах, общественных местах [Modood 2017]. Так что ключевой задачей новой национальной политики должна стать гражданская инкорпорация, в которой акценты будут сделаны на интеграцию и социальную сплоченность. Т. Модуд, однако, отмечает, что даже при откровенном стремлении представителей различных культур к коммуникации любые сообщества с большим трудом ограничивают повседневное влияние собственного нормативно-символического ядра [Modood 2004] на формирование некоторого усредненного образа носителя гражданской идентичности, поэтому реализация стратегии интеркультурализма требует значительных усилий и от руководства страны, и от общества.

Как пишет Асиф Африди, интеркультурализм является заметно более прогрессивной альтернативой мультикультурализму в первую очередь из-за отказа «приписывать» индивида некоторому культурному сообществу и *a priori* наделять его культурными атрибутами [Afridi 2012]. Поэтому повестка интеркультуралистского диалога простирается за пределы повестки культурной и этнорелигиозной идентичности. Она касается целого спектра тем, способных провоцировать социальную напряженность: пола, возраста, сексуальной ориентации, социального и имущественного положения. Специфической чертой интеркультурализма А. Ганье и Р. Яковино называют публичность взаимодействия разнообразных идентичностей, в результате чего кристаллизуется некоторая общая пластичная культурная рамка гражданской культуры [Gagnon, Iacovino 2007].

Считая интеркультурализм производным от мультикультурализма, утвердившимся не вместо или вопреки, но в дополнение к мультикультурализму, Р. Запата-Барреро пишет, что интеркультурная политика касается в первую очередь политических мер взаимодействия с культурным многообразием общества и нацелена на развитие коммуникации и взаимодействия между представителями различных социальных групп [Zapata-Barrero 2017]. Интеркультурализм фокусируется на социальных взаимосвязях, а не на различиях, рассматривая разнообразие как преимущество и ресурс социального единства. Он выстраивает свою стратегию вокруг выработки алгоритма справедливого гражданско-политического участия и переосмысления общественной культуры, которая помещает разнообразие внутрь, а не за пределы единой социальной общности. Р. Запата-Барреро обращает внимание, что постмультикультурная эпоха не только привлекает внимание к поиску новых стратегий национальной и культурной политики, но и заметно стимулирует общественный и особенно академический интерес к рамочной дискуссии вокруг ключевых оснований межкультурного диалога, ставя под сомнение прошлые выводы об основаниях социального единства и пределах разнообразия. Эта рамочная дискуссия вокруг оснований существования многосоставного сообщества, пишет Р. Запата-Барреро, должна переключиться со свойственного мультикультурализму устаревшего дискурса интеграции меньшинств в культуру большинства на новую повестку существования сверхразнообразного общества, тиражирующего сложную множественную идентичность.

Продолжая рассуждение Р. Запата-Барреро, Тамар да Вааль отмечает, что интеркультурализм неизбежно продолжает начинания мультикультурализма, не только сходясь в общности целей создания предпосылок многосоставного общества, основанного на принципах индивидуальной свободы, равенства и чувства общности, но и пользуясь всеми достижениями мультикультурализма

[Waal 2018]. Ведь почти невероятной представляется ситуация, когда государства и общества, ранее дискриминировавшие меньшинства, станут толерантными к индивидуальным различиям. Так что интеркультурализм логически и логично продолжает «завоевания» мультикультурализма.

Интеркультурализм, пишет Т. да Вааль, в отличие от мультикультурализма как государственной стратегии, ориентированной на выработку политической стратегии управления многообразием, уделяет пристальное внимание гражданскому обществу и гуманистическим добродетелям, межличностным отношениям, а также знаниям и навыкам, которыми люди должны обладать, чтобы стать «межкультурными гражданами». Если в рамках дебатов о мультикультурализме дискуссии выстраивались преимущественно вокруг реализации в либеральных демократиях государственными учреждениями стратегий управления культурным многообразием, академические рассуждения об интеркультурализме касаются поиска возможных алгоритмов успешной коммуникации и взаимодействия граждан и укрепления их социальных взаимосвязей. Если концептуальные основания мультикультурализма традиционно связывались с социально-философскими интерпретациями теории справедливости, то интеркультурализм большее внимание уделяет социальной психологии [Levrau, Loobuusk 2013]. Т. да Вааль резюмирует, что позиции сторонников интеркультурализма [Zapata-Barrero 2017] и постмультикультурализма [Modood 2017] сходятся в том, что оба течения взаимодополняют и взаимно усиливают друг друга, позволяя реализовать комплексную политику межкультурной коммуникации.

Несмотря на активный академический диалог исследователей, канадский мыслитель У. Кимлика [Kymlicka 2016] не согласен с позицией европейцев Т. Модуда (университет Бристоль) и Н. Меера (Королевское эдинбургское общество), которая противопоставляет «хороший интеркультурализм» «плохому мультикультурализму» и подменяет дискуссии о конкретных стратегиях межкультурной коммуникации общими рассуждениями о важности многообразия [Alibhai-Brown 2004]. Европейская традиция рассматривать интеркультурализм абстрактно, без конкретных эмпирических примеров, считает Кимлика, совершенно непродуктивна. А вот сравнение конкретных практик устройства социального многообразия позволяет говорить о схожести квебекского интеркультурализма и американского мультикультурализма, тогда как между североамериканским и европейским вариантом мультикультурализма очень много различий. У. Кимлика пишет, что концептуальной задачей мультикультурализма являлось преодоление опасности стигматизации и исключения меньшинств из гражданской коммуникации, тогда как складывание «параллельных сообществ» произошло из-за несовершенства миграционной политики европейских государств (особенно Германии и Голландии), нередко воспринимавших приезжих как гостей и временных жителей страны, а не как культурно своеобразных, но полноценных граждан [Kymlicka 2010]. При этом североамериканский мультикультурализм Канады и США воплощал общие принципы широкого либерального представительства и был ориентирован на выработку механизма интеграции в многонациональное общество-государство представителей разнообразных культур, *a priori* наделенных правом принадлежать мультикультурной нации.

У. Кимлика замечает, что критика исходит не из утверждения крайне правого, антииммигрантского и националистического дискурса, но из несовершенства самой концепции мультикультурализма [Kymlicka 2010]. И для поиска более эффективных стратегий национальной политики необходимо переосмысле-

ние мультикультурализма, но уже в новом контексте, в качестве основания и ресурса реализации постмультикультурализма. Этого требуют и серьезные изменения обстоятельств современного межкультурного диалога: существующие теории мультикультурализма прямо или косвенно «десекуритизируют» отношения между государством и меньшинствами, рассматривая управление отношениями между ними как вопрос социальной политики [Kumlicka 2015]. Но сегодня, в эпоху секьюритизации и сверхразнообразия индивиды не могут рассматриваться ни как представители неких конкретных неизменных культурных традиций или сообществ, ни как стремящиеся к интеграции искренние адепты ценностей принимаемого сообщества.

Примерно об этом же пишет Оке Сандер, замечая, что на отношение к политике управления многообразием со стороны граждан «мультикультурализирующихся» стран и академического сообщества очень сильно влияет растущая обеспокоенность вопросами безопасности и страх перед миграцией как потенциальной угрозой общественной стабильности и благополучию. Поскольку во многих западных обществах набирает популярность «нарратив безопасности», прямо связанный с настороженным отношением принимающего сообщества к мигрантам, растет и скепсис в отношении политики культурного диалога и мультикультурализма [Sander 2016].

С. Вертовец пишет, что под влиянием глобальной цифровизации, активной мобильности, интенсифицированного межкультурного обмена и «сверхразнообразия» изменилась и конъюнктура социальной коммуникации, что остро ставит вопрос отказа от довольно общих мультикультуралистских принципов управления социальным разнообразием в пользу поиска «более тонких» алгоритмов межличностного взаимодействия [Vertovec 2007].

Исследование выполнено в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (Поручение Президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020 г.) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). Проект «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности».

Список литературы

Бенхабиб С. 2003. *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру* (пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева). М.: Логос. 350 с.

Кенан М. 2015. Крах мультикультурализма. — *Foreign Affairs*. No. 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krah-multikulturalizma/> (проверено 16.11.2022).

Кукагас Ч. 2007. Теоретические основы мультикультурализма. — *Полит.ру*. Доступ: <https://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/> (проверено 16.11.2022).

Малахов В. 2002. Зачем России мультикультурализм? — *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* (под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова). М.: ИЭА РАН; ИФ РАН. С. 48-60.

Малахов В.С. 2012. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты. — *Полит.ру*. Доступ: <http://polit.ru/article/2012/01/27/malakhov> (проверено 16.11.2022).

Тлостанова М.В. 2000. *Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века*. М.: ИМЛИ РАН; Наследие. 400 с.

Afridi A. 2012. Isms and Schisms: The Benefits and Practical Implications of Interculturalism in the UK. – *Unedited Workshop Proceedings: Debating Multiculturalism 1*. London: Dialogue Society. P. 75-88.

Alibhai-Brown Y. 2004. Beyond Multiculturalism. Canadian Diversity. – *Diversité Canadienne*. Vol. 3. No. 2. P. 51-54.

Banting K., Kymlicka W. 2006. *Multiculturalism and the Welfare State: Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies*. Oxford: Oxford University Press. 405 p.

Bloemraad I. 2011. *The Debate over Multiculturalism: Philosophy, Politics, and Policy*. – *Migrationpolicy.org*. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/debate-over-multiculturalism-philosophy-politics-and-policy> (accessed 12.11.2022).

Caldwell C. 2009. *Reflections on the Revolution in Europe: Immigration, Islam, and the West*. N.Y. Doubleday. 422 p.

Gagnon A.G., Iacovino R. 2007. *Federalism, Citizenship and Quebec: Debating Multinationalism*. Toronto: University of Toronto Press. 217 p.

Gentile V. 2012. *From Identity-Conflict to Civil Society: Restoring Human Dignity and Pluralism in Deeply Divided Societies*. Rome: Luiss University Press.

Joppke C. 2004. The Retreat of Multiculturalism in the Liberal State: Theory and Policy. – *British Journal of Sociology*. Vol. 2. No. 55. P. 237-257.

Kundnami A. 2002. The Death of Multiculturalism. – *Race & Class*. Vol. 43. No. 4. P. 67-72.

Kymlicka W. 2007. *Multicultural Odysseys: Navigating the New International Politics of Diversity*. Oxford University Press. 374 p.

Kymlicka W. 2010. The Rise and Fall of Multiculturalism? New Debates on Inclusion and Accommodation in Diverse Societies. – *International Social Science Journal*. Vol. 61. No. 199. P. 97-112.

Kymlicka W. 2015. The Essentialist Critique of Multiculturalism: Theories, Policies, Ethos. – *Multiculturalism Rethought: Interpretations, Dilemmas and New Directions* (ed. by V. Uberoi, T. Modood). Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 209-249.

Kymlicka W. 2016. Defending Diversity in an Era of Populism: Multiculturalism and Interculturalism Compared. – *Multiculturalism and Interculturalism: Debating the Dividing Lines* (ed. by N. Meer, T. Modood, R. Zapata-Barrero). Edinburgh University Press. P. 158-177.

Lentin A., Titley G. 2012. The Crisis of «Multiculturalism» in Europe: Mediated Minarets, Intolerable Subjects. – *European Journal of Cultural Studies*. Vol. 5. No. 2. P. 23-138.

Levrain F., Loobuyck P. 2013. Should Interculturalism Replace Multiculturalism? – *Ethical Perspectives*. Vol. 20. No. 4. P. 605-630.

Maclure J. 2003. The Politics of Recognition at an Impasse? Identity Politics and Democratic Citizenship. – *Canadian Journal of Political Science*. Vol. 36. No. 01. P. 3-21.

McGhee D. 2005. *Intolerant Britain? Hate, Citizenship and Difference*. Maidenhead: Open University Press.

Meer N., Modood T. 2009. The Multicultural State We're in: Muslims, 'Multiculture' and the 'Civic Re-Balancing' of British Multiculturalism. – *Political Studies*. Vol. 57. No. 3. P. 473-497.

Meer N., Modood T. 2012. How Does Interculturalism Contrast with Multiculturalism? – *Journal of Intercultural Studies*. Vol. 33. No. 2. P. 175-196.

Miller D. 2008. Immigrants, Nations and Citizenship. – *The Journal of Political Philosophy*. Vol. 16. No. 4. P. 371-390.

Modood T. 2004. Multiculturalism, Interculturalism and the Majority. – *Journal of Moral Education*. Vol. 43. No. 3. P. 302-315.

- Modood T. 2005. *Multicultural Politics: Racism, Ethnicity, and Muslims in Britain*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Modood T. 2017. Must Interculturalists Misrepresent Multiculturalism? – *Comparative Migration Studies*. Vol. 5. No. 15. Pp. 1-17.
- Parekh B.C. 2006. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. N.Y.: Palgrave. 195 p.
- Sam D. L., Berry J.W. 2010. Acculturation: When Individuals and Groups of Backgrounds Meet. – *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 5. No. 4. P. 472-481.
- Sander Å. 2016. The Relevancy of the European Debate on Multireligiosity for the Indian Context. – *Må de nu förklara... Om bibeltexter, religion, litteratur* (ed. by R. Lillas-Shuil, G. Samuelsson, G. Walser, T. Allow). Festschrift för Staffan Olofsson. Institutionen för litteratur, idéhistoria och religion, Göteborgs universitet. Göteborgs. P. 233-266.
- Sen A. 2006. *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*. N.Y.: W.W. Norton.
- Steele L.G. 2016. Ethnic Diversity and Support for Redistributive Social Policies. – *Social Forces*. Vol. 94. No. 4. P. 1439-1481.
- Taylor Ch. 1992. *Multiculturalism and «The Politics of Recognition»*. Princeton: Princeton University Press. 92 p.
- Verkuyten M. 2007. Social Psychology and Multiculturalism. – *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 1. No. 1. P. 280-297.
- Vertovec S. 2007. Super-diversity and Its Implications. – *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 30. No. 6. P. 1024-1054.
- Waal, de T. 2018. Is the Post-multicultural Era Pro-diversity? – *Comparative Migration Studies*. Vol. 6. No. 15. P. 1-7.
- Wieviorka M. 1998. Is Multiculturalism the Solution? – *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 21. No. 5. P. 881-910.
- Zapata-Barrero R. 2017. Interculturalism in the Post-Multicultural Debate: A Defense. – *Comparative Migration Studies*. Vol. 5. No. 1. P. 1-23.

BARASH Raisa Eduardovna, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Leading Researcher of the Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; raisabarash@gmail.com)

THE MULTICULTURALISM DISCUSSIONS. ACADEMIC CONTEXT

Part 1

Abstract. The author analyses the multiculturalism concept as one of the most debated and discussed theme in social science and media. During the 1990s, multicultural enthusiasm was associated with the desire to develop clear models and algorithms for intercultural communication in multi-component communities. However, in the 2010s–2020s the political leaders of several states, primarily in Europe, declared the fiasco of multiculturalism, that was not also enough sensitive to the culture of the majority, led to the «parallel communities» formation and dangerous centrifugal tendencies in society. The political statements of multiculturalist skeptics were followed by the academic discourse reformation, expressed both in statements about the onset of a post-multicultural era and a turn towards interculturalism, and in pedantic corrections of mistakes on the interpretation of the foundations of the multiculturalism policy.

Keywords: multiculturalism, interculturalism, minority rights, integration, national policy
